

Литургия Верных

Нежное кроткое сердце...
и такая сила,
такая жажда жертвы!
Помогать нуждающимся в помощи...
она не ведала другого счастья...
не ведала — и не изведала.
Всякое другое счастье
прошло мимо.
Но она с этим давно помирилась — и вся,
пылая огнем неугасимой веры,
отдалась на служение ближним.

Иван Тургенев
Памяти Ю. П. Вревской

Свет моя, еще ли ты дышишь? Друг мой сердечной, еще ли дышишь, или сожгли, или удавили тебя?

Не вем и не слышу; не ведаю — жива, не ведаю — скончали! Чадо церковное, чадо мое драгое, Феодосья Прокопьевна! Провещай мне, старцу грешну, един глагол: жива ли ты?..

О, светила великия, солнце и луна, руския земли, Феодосия и Евдокея, и чада ваша, яко звезды сияющыя пред Господем Богом! О, две зари, освещающыя весь мир на поднебесней! Воистину красота есте церкви и сияние присносущныя славы Господни по благодати!.. Как вас нареку?.. Не ведаю, как назвать! Язык мой короток, не досяжет вашея доброты и красоты; ум мой не обымет подвига вашего и страдания. Подумаю, да лише руками возмахну! Как так, государыни, изволили с такыя высокия степени ступить и в бесчестия вринутися? Воистину подобни Сыну Божию: от небес ступил, в нищету нашу облечеса и волею пострадал. Тому ж и здесь прилично о вас мне рассудить...

Ну, прости ж меня, а тебя Бог простит во всем. Мучьтеса за Христа хорошенько, не оглядывайтеса назад. Спаси Бог, денег ты жене моей и кое-что послала. Да мужик ничево не отдал, ни полушки, перед ним! Пускай ево! Не до денег нам нынче. У тебя и больше нашава заводов было, да отняли же. Да добро так! Благодарите же Бога, миленькие светы мои, не тужите о безделицах века сего.

Ну, и тово полно — побоярила: надобе попасть в небесное боярство...

Духовная дочь Аввакума

Боярыня Федосья Прокопьевна Морозова была супругою Глеба Ивановича Морозова, одного из первых бояр при царе Алексее Михайловиче. ...Федосья Прокопьевна вышла замуж 17 лет. Глеб Морозов был уже человеком пожилым, имел по крайней мере лет 50. Неравенство лет не могло, конечно, остаться без влияния на жизнь молодой боярыни. Мы не знаем обстоятельств ее замужней жизни, но, имея в виду общий склад тогдашнего домашнего быта бояр, можем предположить, что дом такого степенного, богобоязненного и тихого боярина, каким был действительно Глеб Иванович, скорее, чем другие, должен был служить наиболее

В. И. Суриков
Боярыня Морозова
Фрагмент

полным выражением идеалов Домостроя. ...Духовная дочь Аввакума, Федосья Прокопьевна, видимо, была душа крепкая и верующая и рано обнаружила свою привязанность к добродетельной постнической жизни по тому идеалу, какой тогда господствовал в умах, искавших спасения...

...Необходимо заметить, что в это самое время в русском обществе, в его мыслящей или сколько-нибудь знающей, начитанной среде, совершался великий и нравственный, и социальный поворот от старого Домостроя к новине Петровской, от востока к западу. Имя этому повороту было: *Никон*... В народе поднялось великое и многое *размышление и соблазн*, а в иных местах и расколы... Несмотря, однако ж, на разнообразие предметов размышления, все дело сводилось к одному концу: стоять ли за старое или идти за новым?

...Бог дал супругам сына Ивана по их молитве и явлению чудотворца Сергия, как говорит сказание о жизни Морозовой, что достаточно свидетельствует о благочестивой ее набожности. Но в 1662 году Глеб Иванович умирает, и она остается вдовою. Служащий в жизни Морозовой. С этих пор ее постническое набожное настроение мыслей получает широкий простор для своих дейст-

вий, для стремления к заветным идеалам.

...Федосья Прокопьевна в доме своем держала пятерицу инокинь *изгнанных* и радовалась — «зря в ночи на правиле себя с ними стоящую и на трапезе их с собою ядущих»... А иных в доме своем гнойных держала — Федота Стефановича и прочих: им своими руками служила, язвы гнойные измывала и в уста их пищу подавала... Дом ее был отворен юродивым и нищим и сиротам, которые «невозбранно в ее ложницах обитали и с нею ели с одного блюда». В числе юродивых, которые невозбранно приходили в дом к Морозовой, были два ревнителя древнего благочестия, Феодор и Киприян. Феодор

ходил в одной рубашке, мерз на морозе босой, в день юродствовал, а ночь всю стоял на молитве со слезами... Другой юродивый, Киприян, известен был даже самому государю, следовательно, мог бывать даже и в царском дворце, и тем более что во дворце, в числе «верховых богомольцев», находились также и юродивые. Киприян не раз государя молил о восстановлении древнего благочестия; ходил по улицам и по торжищу, свободным языком обличая новины Никонны.

Собирая около себя такое убогое общество, поучаясь его подвигами и словесами, Морозова и свой досуг употребляла на рукодельные труды также в пользу нищих и убогих. Иногда руки ее «пряслица касались», садилась она за прялку, готовила нити и теми нитями шила рубахи, и ввечеру, с одною из стариц, домоходицею Анною Амосовною, одевшись сама в рубище, ходила по улицам и по стенам града, по темницам и по богадельням, и оделяла рубахами нищих; раздавала им деньги, овому рубль, а иному 10, а инде 50 рублей и мешок сотной.

...Ревнуя за истину, которую в понятном ослеплении видеть вовсе не могла, Морозова очень горячо принимала тогдашние вопросы дня, — эти размышления общества о переста-

новке на новые старых обычаев и привычных порядков; и везде, и у себя дома при гостях, и на беседах, где сама бывала, крепко отстаивала старину... Прежде всего, конечно, обсуждение этих вопросов открывалось между родственниками. Федосья Прокопьевна легко убедила в своих мыслях родную сестру Евдокею, княгиню Урусову, жену царского кравчего кн. Петра Семеновича, которая тоже сделалась духовною дочерью Аввакума.

...Однажды Анна Михайловна Ртищева стала ей говорить: «Ох, сестрица, голубушка, съели тебя старицы белевки, проглотили твою душу! Как птенца, отлучили тебя от нас. Не только нас ты презираешь, но и о сыне своем не радишь; одно у тебя чадо, а ты на него не глядишь... Уж когда-нибудь за твое прескловие придет на тебя и на дом твой огнепальная ярость царева, и повелит дом твой разграбить. Тогда и сама многие скорби подымеешь и сына своего сделаешь нищим. И все будет твоим немилосердием».

Морозова ответила: «Неправду ты говоришь. Не прельщена я, как ты говоришь, от белевских старик. Но по благодати Спасителя моего чту Бога Отца целым умом; а Ивана я люблю и молю об нем Бога беспрестанно и радею о полезных, ему душевных и телесных. Если же вы думаете, чтобы мне из любви к Ивану душу свою повредить или, своего жалеючи, отступить от благочестия и этой руки знаменной (перстосложения), — то сохрани меня Сын Божий от этого неподобного милования. Не хочу, не хочу, любя своего сына, себя губить, хотя он и один у меня; но Христа люблю более сына».

...Слышавши это, Ртищева ужаснулась, как грома, этих страшных слов и много дивилась такому *крепкому мужеству и непреложному разуму*, замечает повествователь жития Морозовой.

...Без всякого сомнения, еще больше укрепилось ее мужество и совсем помрачилось разум, когда (в 1662 году) в Москве снова явился из ссылки Аввакум. Естественно, что она все больше и больше укреплялась в истине своих размышлений и мнений и, горячо их защищая по беседам, без сомнения научениями и словами самого Аввакума или матери Мелании, обратила наконец на свои подвиги внимание царя. Была к ней присылка по повелению цареви, приходили испытывать ее Иоаким, Чудовский архимандрит, и Петр, соборный ключарь. Узнав ее крепкое мужество, и непреложный разум, и готовность даже умереть за правду, государь повелел отписать у ней на свое имя половину вотчин... Чем больше теснили эту душу, тем глубже она уходила в свои заветные стремления. ...Федосья Прокопьевна начала мыслию «на большее простираться», то есть более и более приближаться к цели своего идеала, желая ангельского образа... Когда аввакумовцы увидели, как твердо и неизменно стоит в своем

желании их верная послушница, то решились исполнить ее просьбу. Она была пострижена старовером, бывшим Тихвинским игуменом Досифеем, наречена Феодорою и отдана в послушание той же матери Мелании.

...Прокопьевна, зря на себе иноческий чин, начала вдаваться большим подвигам, посту и молитве и молчанию; а от домовных дел от всех начала уклоняться, сказывая себя больною, и все судные дела в доме приказала ведать своим верным людям.

...Весьма понятно, что после того дворец ей опостылел, ибо не осталось уже там корней для поддержки старого «благочестия», а напротив, с каждым днем входило туда новое «благочестие». В январе 1671 года царь вступил во второй брак с Натальей Кирилловною Нарышкиной. Морозовой, по старшинству ее дворового положения, следовало в свадебном чину стоять во главе других боярынь и титул царскую говорить. Она отказалась от этой чести, отговариваясь, что «ногами zelo прискорбна, не могу ни ходити, ни стояти»... Она не хотела идти во дворец, затем что в царском титуле приходилось ей наименовать государя благоверным и руку его целовать, да нельзя было избыть и благословений архиерейских... Она решилась лучше страдать, чем с ними сообщаться... «И бысть в Верху *не едино сидение* об ней, думающе, как ее сокрушать».

Гроза царского гнева приближалась. Во втором часу ночи отворились большие ворота на дворе Морозовой. Ужаснулась Федосья Прокопьевна, понявши, что едут ее мучители. От страха ослабели ее ноги, и она приклонилась на лавку. Княгиня (Урусова. — *Примеч. ред.*) подкрепила ее: «Матушка, сестрица, дерзай! С нами Христос! Не бойся, встань, положим начало». Совершили они семь поклонов приходных, одна у другой благословились свидетельствовать «истину». Морозова в постельной своей комнате легла на свой пуховик, без иконы Богородицы Федоровской. Княгиня ушла в чулан, род алковка, устроенный в той же спальне для наставницы Мелании, и там легла на постель. Сестры, видимо, хотели показать, что они собрались уже почивать. В постельную с великою будто бы гордостью дерзко вошел Чудовский архимандрит Иоаким в сопровождении думного дьяка Лариона Иванова и, увидев возлежащую Морозову, объявил ей, что послан от царя спросить ее, чтоб встала и, стоя или сидя, если не может, дала бы ответ противу царских повеленных слов. Морозова не встала. «Како крестнишия и как молитву творишь?» — спросил ее архимандрит. Морозова, сложа по-своему персты, перекрестилась и произнесла молитву! «Тако я крещусь, так же и молюсь». Думный дьяк ступил в чулан, но в чулане не было света; разглядев там человека, лежащего на постели, он спросил: «Кто ты?» «Я князь Петра жена, Урусова», — отвечала сестра Морозовой. На-

ложили на обеих сестер железа конские и посадили их в людские хоромы, в подклет, приказав людям беречь их под стражею. Через два дня снова явился к ним думный дьяк Ларион Иванов, снял с ног железа и велел идти, куда поведут. Морозова не захотела идти (пешком); дьяк велел нести ее. Слуги принесли (носили), посадили и понесли в Чудов монастырь. Княгиня Евдокия была ведена за нею пешком. В полате председал Павел, митрополит Крутицкий, знакомый уже нам Иоаким, архимандрит Чудовский, думный дьяк и иные. Она не захотела говорить пред ним стоя; села на место и не вставала, несмотря на их неоднократное требование. Митрополит начал ее увещивать тихо и кротко, вспоминая честь ее и породу. Против всех слов она давала ответы: что истинному пути и благодетели навывкла не от старцев и стариц, а от истинных рабов Божиих. Видя непреклонное ее мужество и бесполезность кротких увещаний, власти решились ее пострадать. «Коротко тебя спрашиваем,— сказали они ей,— по тем служебникам, по которым государь царь причащается и благоверная царица и царевичи, и царевны, ты причащаешься ли?» «Нет, не причащусь, потому что знаю, что царь по развращенным Никонова изданиям служебникам причащается». — «Как же ты об нас обо всех думаешь, стало быть, мы все еретики?» — «Ясно, что вы все подобны Никону, врагу Божию, который своими ересьюми как блевотиною наблевал, а вы теперь то сквернение его подлизываете».

В ответ ей сказали, что после всего она не Прокопьева дочь, а бесова дочь. Морозова защищалась, говоря, что проклинает беса, что благодати Господа она если и не достойна, все-таки дочь Христа. Утром на другой день пришел думный дьяк, принес цепи со стулами и, снявши с ног железа, стал возлагать на шею им эти цепи. Морозова перекрестилась, поцеловала *огорлие* цепи и сказала: «Слава тебе, Господи, яко сподобил мя еси Павловы узы возложить на себя». Дьяк велел посадить ее на дровни и везти конюхоу. Ее повезли через Кремль.

Когда ее везли Кремлем, мимо Чудова монастыря, под царские переходы, она, полагая, что на переходах смотрит царь на ее поезд, часто крестилась двуперстным знамением, высоко поднимая руку и звеня цепью, показывая царю, что не только не стыдится своего поругания, но и услаждается любовью Христовою и радуется своим узам. Ее посадили на подворье Печерского монастыря (на Арбате) под крепкий караул стрельцов.

Княгиню Евдокею, подобным же образом обложив железными юзами, отвели в Алексеевский монастырь и отдали под крепкое начало с повелением водить ее в церковь. Но она, противясь этому повелению, такое мужество показала, что дивился весь царствующий град ее храбрости и тому, как доб-

лестно сопротивлялась она воле мучительской. Доблестные подвиги ее заключались в том, что она всеми силами сопротивлялась, когда нужно было идти в церковь. Приказано было волочить ее на рогожных носилках. Она и тут притворялась расслабленною, не могущею ни рукою, ни ногою двинуть, и сама на носилки не ложилась. ...Множество вельможных жен и простых людей стекалось в Алексеевский монастырь смотреть, «како влачаху княгиню на носиле». Особенно вельможные удивлялись ей и соблезновали о ней, как о своей сроднице.

...Видимо, патриарх, а вместе и царь желали покончить это дело, смущавшее Москву. Опять в 2 часа ночи взяли Морозову и, с юзами и посадивши в дровни, повезли в Чудов монастырь под охраной стрелецкого сотника. В соборной полате был патриарх, митрополит Павел и иные власти и «от градских начальников не мало». «Дивлюсь я, как ты возлюбила эту цепь и не хочешь с нею разлучиться»,— сказал ей патриарх. Обрадованным лицом и веселящимся сердцем ответила она: «Воистину возлюбила, и не только просто люблю, но еще и не довольно насладилась вожделенного зрения сих оков. Как могу не возлюбить их! Такая я грешница и для Божия благодати сподобилась видеть на себе, а вместе и носить Павловы узы, да еще за любовь Единородного Сына Божия». Патриарх стал увещивать ее, говоря, чтобы оставила свое безумие и нелепое начинание, пожалела бы себя, не возмущала бы своим противлением царскую душу, и присоединилась бы к церкви, исповедавшись и причастясь святых тайн. «Некому исповедаться и не от кого причаститься»,— отвечала Морозова. «Попов много на Москве»,— сказал патриарх. «Много попов, но истинного нет»,— возразила Морозова. «Я сам, на старости, потружусь о тебе, сам тебя исповедаю и причащу»,— продолжал патриарх. Морозова отреклась и от этой высокой чести, сказавши: «Ты мне говоришь — сам, но я не понимаю, что ты говоришь. Чем ты от них отличен, если творишь то же, что и они?..»

На другой день, во 2-й час ночи, оне все три (Морозова, княгиня Урусова и Марья Данилова.— *Примеч. ред.*), вероятно, порознь были перевезены на Ямской двор. На том дворе было собрано множество людей. Посадили их в избе темной и тесной, так что сначала, сидя по углам, в темноте, между множеством народа, оне и не знали, что находятся вместе, в одной избе. Они догадывались, что привезли их на пытку; но думали также, что, может быть, хотят послать их куда-нибудь в заточенье. Под конец Морозова поняла, что их ожидает непременно пытка, и, проведая, что и родная ее двоица находится тут же, а между тем невозможно беседовать с ними, укрепить их терпение, подала им знак, побряцавши оковами и ска-

завши мысленно: «Любезные мои сострадальницы! Вот и я тут с вами. Терпите, светые мои, мужески и обо мне молитесь». Княгине она смогла даже и руку протянуть сквозь утеснение людское и сжала ее руку весьма крепко, говоря: «Терпи, мать моя, терпи». Их начали пытать. У пытки присутствовали князь Иван Воротынский, князь Яков Одоевский, Василий Волынский. В первых была приведена к огню Марья Данилова: обнажили ее до пояса, руки назад завязали и подняли на стряску и, снем с дыбы, бросили на земле. Потом повели княгиню. Точно так же и ее обнажили до пояса, подняли на стряску с завязанными назад руками и, снявши с древа, вергоша на землю тут же, подле Даниловой. Напоследок привели к огню и Морозову. Начал говорить ей князь Воротынский многая словеса: «Что это ты делаешь, от славы в беславие пришла? Подумай, кто ты и от какого рода! Все это приключилось тебе от того, что принимала в доме Киприана и Феодора юродивых и прочих таковых; их учения держалась, потому и царя прогневала».

Отвечала Морозова: «Не велико наше благородие телесное и слава человеческая суетна на земле; и все, о чем ты говорил,— все это тленно и мимоходяще. Послушай, что я скажу тебе: помысли о Христе, кто Он, и чей Сын, и что сотвори; если не знаешь, я расскажу тебе: Он, Господь наш, Сын Божий, оставивший небеса для нашего спасения и живший во плоти на земле всегда в убожестве; после распят был от жидов; так и мы все от вас мучимы. Тому ты не удивляешься! То наше мученье есть уже ничто».

Тогда власти повелели ее связать: «руками срачицы ея увиша поконец сосец и руки на опако завязав», повесили на стряску. Она не умолкала и укоряла «лукаво их отступление». За то держали ее на стряске долго и висла с полчаса и ремнем руки до жил протерли. После сняли ее и положили рядом с сестрами. На снегу нагими спинами с выломленными назад руками лежали они часа три. И иные казни им творили: «плаху мерзлую на перси клали и утешала к огню приносили, хотя жечь». Данилову, кроме того, положили при ногах Морозовой и Урусовой, били в пять плетей немилостиво, в две перемены, первое по хребту, второе — по чреву. Думный дьяк при молвил при этом боярыням: если и вы не покаетесь, и вам то же будет. Морозова, видя бесчеловечие, и многие раны на Марии, и кровь текущую, прослезилась и сказала дьяку: это ли христианство, чтобы так человека мучить! Наконец, в десятом часу развели их по своим местам.

Наутро «сотвори царь сидение думати о них», а на Болоте сруб поставили, потому что в Думе предлагали Морозову предать сожжению, да бояре не потянули... Между тем боярыня готовилась уже к смерти, три

дня не ела хлеба и воды не пила. А мати Мелания на Болоте у сруба была и, пришед в тот же день к боярыне, целовала язвы рук ее и говорила: «Уже и дом тебе готов, вельми добре и чинно устроен и соломою целыми снопами уставлен: уже отходишь ты к желаемому Христу, а нас сиротами оставляешь!» Морозова благословилась у ней. Мать с рыданиями ушла от нее и направилась к Урусовой.

...Через три дня после пытки царь прислал будто бы к Морозовой стрелецкого голову с такими словами: «Мати праведная Федосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! Прошу тебя я сам, послушай совета моего: хочу я тебя в прежнюю твою честь возвести; дай мне такое приличие, ради людей; чтоб видели, что недаром тебя взял,— не крестись тремя персты, но только руку показав, поднеси на три те перста. Мати праведная Федосья Прокопьевна, вторая ты Екатерина мученица! Послушай, я пришлю за тобою каптану свою царскую (возок) и с аргамаками своими, и придут многие бояре и понесут тебя на головах своих. Послушай, мати праведная! Я сам царь кланяюсь главою моею, сделай это».

...Однако ж ничто не действовало, и она постоянно отвергала все предложения покинуть свое безумие. Насчет каптаны и аргамаков она ответила: «Поистине эта честь мне невелика. Было все это и мимо прошло, еживала в каптанах и в каретах, на аргамаках и бахматах... Вот что для меня велико и поистине дивно: если сподоблюсь огнем сожжения, в приготовленном вами срубе на Болоте. Это мне преславно, ибо этой чести никогда еще не испытывала». Ее перевезли в Новодевичий монастырь, подальше от города, чтобы отлучить ее от своих, и велели держать под крепким началом и влачить к церковным службам. В этом случае, подобно Урусовой, и боярыня велие мужество показала и привлекала многих к зрелищу своего терпения.

...Так прошла зима.

...Они сидели в глубокой темнице, во тьме несветимой; страдали от задухи земной; от спершегося земного пара делалась им тошнота; сорочек ни переменять, ни мыть было нельзя; в верхней худой одежке, которую нельзя было скинуть от холода, развелось множество насекомых, не дававших им ни днем покою, ни ночью сна. Не оставлено было им даже и четок или лествиц, взамен которых оне навязали 50 узлов из тряпич и по тем узлам, обе на переменах, совершали свои изустные молитвы. Давали им только пищу «премудрости учительницу, сиречь зело малу и скудную»: когда сухариков пять-шесть дадут, тогда воды не дадут; а когда пить дадут, тогда есть не спрашивай... Иногда яблоко одно или два подадут, иногда огурчиков малую часть; но это делали уже из жалости стрельцы, да и то тихонько друг от друга.

Среди таких лишений княгиня через два с половиною месяца скончалась. От великого голода она совсем ослабела, не могла ни цепи носить, ни стула цепного двинуть; стоя не в силах была молиться и молилась лежа или сидя. Пред смертью она попросила сестру отпустить ее по закону христианскому. «Отпой мне отходную: что ты знаешь, ты говори, а что я припомню, то я сама проговорю». И обе они служили отходную одна над другой; мученица над мученицею в темной темнице отпевала канон; узница над узницею изрыла слезы, одна в цепи, возлежаша и стояше, другая в цепи, предстоя и рыдаше.

...На место умершей сестры к ней перевели Марью Данилову. После того стала изнемогать и Федосья Прокопьевна. Пред концом призвала она одного из стрельцов и начала ему говорить: «Есть ли у тебя отец и мать? Живы они или умерли? Если живы, помолимся об них; если умерли, помянем их. Умилисердись, раб Христов! Очень изнемогла я от голода и хочу есть. Помилуй меня, дай мне калачика».

— Боюсь, госпожа,— ответил воин.

— Ну, хлебца.

— Не смею.

— Ну, мало сухариков.

— Не смею.

— Ну, принеси мне яблоко или огурчиков.

— Не смею,— был ответ.

И сказала она: «Добро чадо! Благословен Бог наш, изволивый такой! Если невозможно тебе это, то прошу тебя, сотвори последнюю любовь: убогое это тело мое покройте рогожкой и положите меня возле сестры, неразлучно».

Напоследок, чувствуя уже приближение своей смерти, она упросила воина вымыть ей грязную сорочку, сказавши: «Вот хочет Господь взять меня от этой жизни! Не подобает мне, чтобы это тело в нечистой одежде легло в недрах своей матери земли». Скрыв под полою, воин снес сорочку на реку и там, моя водою это малое платно, лице же свое слезами омывал, помышляя о прежнем величестве боярыни и о теперешней ее нужде, как Христа ради терпит, а к нечестию приступить не хочет и для того умирает. А всем было известно, что если бы хотя мало с ними сообщилась, то больше прежнего была бы прославлена!

С первого на второе число ноября Морозова тихо скончалась в своей темнице. В ту самую ночь мать Мелания, находившаяся где-то в пустыне, видела Федосью Прокопьевну во сне, облеченную в схиму и в кукуль, зело чуден, и сама она была светла и радостна и в веселости красовалась в кукуле, обзирая всюду и руками вода по одеждам, удивляясь красоте своих риз. Непрестанно лобызала образ Спасов, стоявший близ ее, и целовала кресты на схиме.

Покойницу по ее завещанию схоронили под-

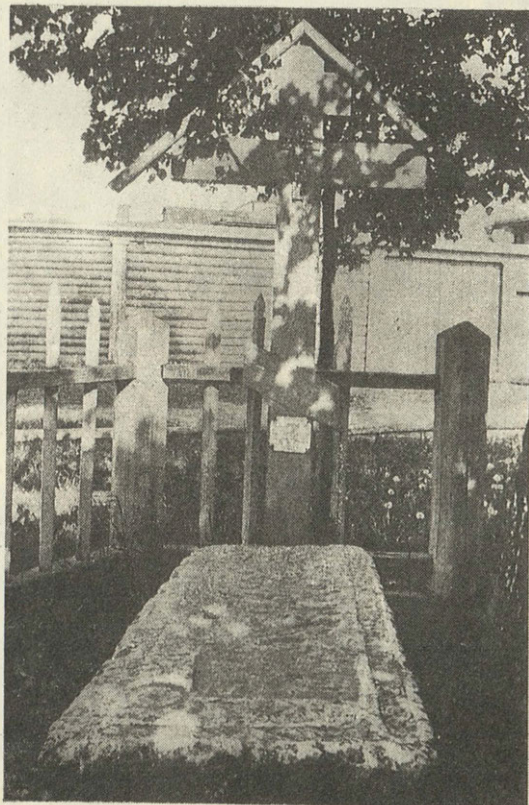
ле сестры, обвив тело в рогожу. Чрез месяц скончалась и Марья Данилова. До сих еще по памяти народу их дело.

П. М. Строев, посетивший Боровск в 1820 году, видел на годище у острога камень, к которому боровские жители имеют особенное почтение, даже кланяются ему до земли, рассказывая, что под ним погребены две княжны, сожженные татарами. Строев прочел над ними следующую надпись, почти изгладившуюся: «Лета 7... погребены на сем месте сентября в 11 день боярыня князя Петра Семеновича Урусова жена его княгиня Евдокия Прокопьевна, да ноября во 2 день боярыня... жена... Морозова Федосья Прокопьевна, а в иноках инока-схимница Феодора, а дщери окольного Прокофья Федоровича Соковнина. А сию цку положили на сестрах своих родных боярин Федор Прокофьевич да окольной Алексей Прокофьевич Соковнины».

Таков был подвиг боярыни, таков был желанный путь жизни не для одной Морозовой и не для одного этого века. Мы видели подле самой Морозовой целую группу женщин, идущих по тому же пути.

Отрывок печатается по изданию:

Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц. М., 1869.

Боровск
Могила боярыни Ф. Морозовой